

Издан «Очерк культуры киргизского народа» аккуратно, однако не без опечаток. Досадно отсутствие иллюстраций и карты.

В целом автором сделана полезная работа. Было бы желательно видеть эту работу (с исправлением указанных недочетов) в переводе на киргизский язык. Такая сводка — первая для народов Средней Азии. К сожалению, мы до сих пор не имеем сводок подобного типа для узбеков, казахов, туркмен, таджиков. А такие сводки нужны не только для читателя и для целей самообразования; они могли бы иметь значение и вузовского пособия для курсов по этнографии. Такими достоинствами обладает рецензируемый труд. С другой стороны, труд этот свидетельствует о необходимости создания подлинно этнографических монографий по отдельным народам, где, наряду с монографическим описанием, соответствующее место заняли бы этногенетические вопросы.

А. Бернштам

«Манас», киргизский эпос, «Великий поход». Гослитиздат, 1946.

Киргизская эпическая трилогия «Манас» принадлежит к числу наиболее крупных произведений мирового устного народного творчества. По своим высоким художественным качествам, эпической широте разветвляющихся событий, богатой гамме изображительных средств при описании героев и их поступков, наконец, по своему огромному объему (исполнение полной версии «Манаса» талантливым сказителем — манасчи может занять несколько месяцев) киргизский героический эпос может быть поставлен в один ряд с такими жемчужинами мировой эпической литературы, как «Илиада», «Одиссея», «Калевала» и др. С тем большим сожалением приходится отметить, что русскому читателю эпос «Манас» до последнего времени был известен только по случайным переводам отдельных отрывков, печатавшимся в газетах и журналах. Лишь накануне Великой отечественной войны был издан в виде небольшой книги поэтический перевод нескольких эпизодов эпоса («Манас», киргизский народный эпос, М., 1941), извлеченных из подготавливавшегося к печати самого значительного цикла трилогии — песен о «Великом походе». В 1943 г. в г. Фрунзе вышла из печати работа ныне покойного литературоведа и фольклориста К. Рахматуллина «Великий патриот, легендарный Манас», содержащая краткое изложение основных эпизодов эпоса «Манас», но эта работа не получила широкого распространения.

Выход в свет рецензируемой новой книги — событие большого политического и культурного значения. Не говоря о том, что киргизский эпос в одном из своих наиболее выдающихся звеньев становится достоянием широкого русского читателя, эта новая публикация великолепного памятника киргизского устной словесности будет в немалой степени способствовать дальнейшему расширению и укреплению братских культурных связей киргизского народа с другими народами СССР и прежде всего с великим русским народом¹.

Книга «Манас» открывается содержательной вступительной статьей У. Джакнишева и Е. Мозолькова. Мы находим здесь общую оценку памятника, историю его записи и изучения и характеристику той ведущей роли, какую занимает героический эпос в поэтической сокровищнице киргизского народа. Дав сжатую характеристику формальной стороне памятника и рассмотрев типичные для киргизского эпоса приемы стихосложения, авторы излагают общую канву трилогии, раскрывая ее основную патристическую идею — объединения киргизских племен для борьбы с иноземными захватчиками. Авторы правильно поняли идейное и общественное значение эпоса «Манас», как гениального памятника национального самоутверждения киргизского народа. Однако, критикуя с этой точки зрения высказывание первого ученого, которому принадлежит честь открытия «Манаса», Чокана Валиханова за излишний «этнографизм» при оценке эпоса, Джакнишев и Мозольков впадают в другую крайность и, по нашему мнению, в совершенно недостаточной степени учитывают огромную познавательную ценность киргизского эпоса как культурно-исторического памятника, как источника для изучения и раскрытия путей формирования киргизской культуры. Разумеется, это наше замечание не колеблет основных положений авторов статьи и не снижает данной ими справедливой и высокой оценки качества эпоса «Манас» как художественного произведения.

Эпический цикл «Великий поход» — наиболее крупная по своим размерам, центральная по замыслу часть трилогии. Рецензируемая книга содержит первую часть этого цикла, о чем мы узнаем, правда, только из упомянутой вступительной статьи — титульный лист об этом умалчивает. Первая часть цикла «Великий поход» включает семь песен. Песнь «Заговор ханов» служит как бы прелюдией к основному повествованию. В ней завязывается тот узел полных драматизма событий, которые разветвляются в последующих песнях, дается мотивировка предпринимаемой киргизским богатырем

¹ Уже в процессе печатания настоящей рецензии я имел возможность ознакомиться с рецензией Л. Климовича («Советская книга», 1946, № 12) на книгу «Манас». Не имея по техническим причинам возможности высказаться по существу этой спорной рецензии в настоящем номере «Советской этнографии», я предполагаю в следующем номере вернуться к этому вопросу. Автор.

Манасом крупной наступательной операции против китайских ханов, как похода, имеющего целью предупредить намерения китайцев, стремящихся покорить свободолюбивые киргизские племена. Посланные ханами-заговорщиками, недовольными Манасом, послы возвращаются от Манаса с грозным наказом ханам прибыть к нему с войсками для участия в походе против китайцев. Песня заканчивается описанием встречи мятежных ханов с Манасом, торжественного выхода грозного Манаса к ханам с целью их устрашения, речью Манаса, обращенной к участникам похода, и выборами военачальника. Вторая песнь, «Начало похода», рисует эффектную картину сборов и выступления киргизского войска в поход. Выступив в поход, Манас заезжает к своей любимой жене Каныкей, которая снабжает дружину Манаса из 40 витязей снаряжением и боевыми доспехами и произносит напутственное слово. Неурядицы в войсках вынуждают Манаса назначить нового полководца — Алмамбета. Последний предпринимает ряд реформ, устанавливает строгую дисциплину, что приводит войска в боеспособное состояние. В самом начале организуемой Алмамбетом разведки происходит его ссора с одним из главных богатырей Манаса — Чубаком, заканчивающаяся их примирением при участии Манаса. В следующей песне, «Рассказ Алмамбета», носящей автобиографический характер, излагается история появления на свет Алмамбета и овладения им тайнами чародейства. После борьбы с китайскими ханами и бегства из плена Алмамбет возвращается к матери, принимает ислам и, по наущению матери, тайной мусульманки, убивает отца и бежит из Китая. После долгих скитаний, жизни у казахского хана Көкчө, посещения Бухары и свидания с женой Манаса — Каныкей Алмамбет присоединяется к Манасу и становится его верным соратником. Описанию разведки посвящена четвертая песнь. Во время разведки богатыри Алмамбет и Сыргак преодолевают многочисленные препятствия. Они убивают стоящих на страже китайских границ вещей лису и архара, побеждают могучего одноглазого богатыря Малгуна, от их руки погибает убегающая из своего пограничного укрепления-дворца женщина, великанша Канышай. Достигнув Малого Бейджина, Алмамбет встречается со своей нареченной невестой — также тайной мусульманкой, китайской принцессой по имени Буручла. Пятая песнь, «Великий угон», повествует о захвате киргизскими богатырями богатой добычи — бесчисленных вражеских конских табунов. Содержание предпоследней песни, «Битва батыров», составляет описание первых схваток киргизских богатырей с войсками главного китайского богатыря Конгурбая. В это время к богатырям-разведчикам присоединяется сам Манас, а затем прибывает и все киргизское войско. Седьмая, заключительная песнь, «Решительный бой», дает картину массового сражения киргизского войска с китайским, заканчивающегося поражением Конгурбая. Та же участь постигает последнюю надежду китайцев — страшного богатыря Мады-хана. После окончания сражения киргизское войско во главе с Манасом вступает в Малый Бейджин.

Таково содержание первой части цикла эпических песен — «Великий поход». За исключением песни «Рассказ Алмамбета», в основу перевода которой положен вариант современного сказителя Саякбая Каралаева, все остальные песни переведены с записей «Манаса», сделанных со слов покойного знаменитого манасчи Сагынбая Орозбакова. Впрочем, некоторые признаки дают основание предполагать, что в ряде случаев переводчики вынуждены были пользоваться с одной редакцией текста эпоса, что, по нашему мнению, нельзя признать удачным.

Авторами поэтического перевода «Великий поход» на русский язык являются поэты Семен Липкин, Лев Пеньковский и Марк Тарловский. В данной рецензии не место входить в подробное рассмотрение достоинств и недостатков той огромной, сложной и трудоемкой работы, которая была проделана переводчиками, ибо для глубокой оценки качества перевода потребовался бы большой труд слития перевода с текстом эпоса, находящимся еще почти полностью в рукописном виде. Известной гарантией доброкачественности перевода, с точки зрения его смыслового соответствия тексту, является уже одно то, что в редактировании книги, наряду с У. Джакнишевым, Е. Мозольковым и И. Сельвинским, принимал участие крупнейший знаток киргизского языка, заслуженный деятель науки Киргизской ССР, проф. К. К. Юдахин. Однако ряд замечаний все же хотелось бы сделать как по существу связи перевода с текстом эпоса, так и относительно подачи поэтического материала. В целом перевод производит весьма благоприятное впечатление. Его достоинства составляют сочность поэтического языка, в большинстве случаев удачное сохранение своеобразия стиля и колорита эпоса, форм киргизского стихосложения. В некоторых эпизодах мы встречаем образцы высокохудожественного перевода, ярко и образно передающего содержание эпоса. Большое впечатление оставляет письмо Манаса к ханам (стр. 44), очень эффектно подано описание чудовищной пушки Абзель (стр. 50, 51), ювелирно отделано то место второй песни, в котором подробно рассказывается о способах изготовления снаряжений и одежды, которыми Каныкей снабжает витязей Манаса: головных уборов, шаровар, обуви, панцирей, поясов и т. д. (стр. 99—102); удачно выдержана в лирических тонах прощальная песня любящей и мужественной Каныкей (стр. 104, 105); остро и сильно звучит описание внешнего облика грозного Манаса (стр. 139). Однако перевод не свободен от недостатков, в большинстве не слишком значительных, но иногда все же существенных. Прежде всего, нам кажутся не всегда оправданными некоторые элементы модернизации. Понятие «города», для эпоса не типичное, встре-

чается в отдельных случаях как позднейшее наслоение и скорее могло бы быть передано как «крепость». Между тем мы находим в переводе выражения: «крепость полная горюжан» (стр. 34), «город Манаса» (стр. 62). Существующие у киргизов-кочевников понятия для времени принятия пищи не совсем правильно отождествлять с европейскими понятиями обеда и ужина. В переводе же имеется такое место:

...Чтобы о б е д ы и у ж и н ы мне
Готовили они на огне (стр. 106).

Нам кажется спорным прием широкого использования в переводе специфических для русской истории и русского языка терминов, оборотов речи и образов, не всегда имеющих соответствующий эквивалент в киргизском языке и лишь весьма условно, в плане общего семантического толкования, могущих быть сближаемыми с киргизскими терминами. Такие выражения, как «воевода Кошой» (стр. 29), «с красным холстом на шесте» (стр. 56), «князь Ашир» (стр. 138), «Вседержитель свят» (стр. 50) и др., может быть, и ближе русскому читателю, но зато очень отходят от духа киргизской речи. Сюда же можно отнести употребление для сравнения такого неизвестного киргизам понятия-образа, как тайфун: «полетел он, как тайфун» (стр. 175), «умела отворотить тайфун» (стр. 176), «с ад ворвался я, как тайфун» (стр. 196), «тайфуном грозным налечу» (стр. 223). С другой стороны, авторы перевода не всегда к месту употребляют киргизские термины, а в отдельных случаях не совсем осторожно используют их. Почему, например, на стр. 61 сказано: «*кюриоча* им не жалеть», хотя слово «кюриоч» легко переводится через русское «рис»? Почему нужно писать «сорок алтынных щитков» (стр. 102), когда устаревшее «алтын» можно передать современным русским «золото». Читатель вынужден искать в помешенном в конце книги словаре значение каждого из этих слов, иногда не находя этого значения (например, к слову «алтын»). Укажем еще на употребление почти подряд нескольких слов, имеющих одно и то же значение, что остается неизвестным читателю (малахай, треух, тумак — стр. 98). Читатель должен также догадываться, что Кула-ат и Ак-кула (название коня) — одно и то же («С Кула-а том на поводу» — стр. 50; «Взяли стройного Ак-кула» — стр. 56). Разнотечения и неточности в личных именах и топонимических названиях наблюдаются и в других случаях. Например, при перечислении батыров Манаса мы читаем: Шынги-ул, Бозуул, Ирчуул (стр. 36). Там же киргизское имя Баймат передано в русифицированной форме («Байматка — плешивый лоб»). В одном случае мы читаем Кытмыр (стр. 32), в другом — Кыгымыр (стр. 47). Эпическое имя Эсен-хан получает почему-то в переводе несвойственную киргизам форму Эссен-хан (стр. 149). В тексте перевода мы читаем «Урюм» (стр. 326), а в словаре — «Урум». Начальный звук в термине «эр» и в имени Ак-Эркеч один и тот же, но последнее почему то передается в форме Ак-Еркеч (стр. 217). Встречаются в переводе и другие погрешности. Возможно, что в некоторых случаях они являются результатом некритического восприятия текста эпоса. В отдельных случаях эти погрешности способны вызвать недоумение у читателя. На стр. 29 читаем: «упряжи не знавших коней» (речь, конечно, должна идти не об упряжи, а о сбруе, так как эпос имеет дело с верховыми животными). На стр. 192: «Я за нее жертвой будь!» (?). Неточными являются такие, например, выражения: «Колени обтягивали шим» (стр. 59). Шым — штаны; всегда шьются широкими. Или:

Стреноженных коней разнуздав,
Ноги их ремнями связав (стр. 110).

Как можно уже стреноженным коням связывать ноги ремнем? Странно звучит фраза:

Беркутом, у которого враз
С пальца больного снят колпачок,
Воспрянул великий Манас (стр. 320).

Во-первых у беркута нет пальцев в прямом смысле этого слова; во-вторых, колпачок надевается птице на голову, а не на ногу. Весьма спорными являются вводимые переводчиками в отдельных случаях новые словообразования, например: «В гневе вероязком батыр» (стр. 66), «людоподобное пугало взяв» (стр. 204). Не во всех случаях оправдано употребление в поэтическом переводе, рассчитанном на широкого читателя, областных или устаревших и ныне редко употребляемых в русском языке глаголов. На стр. 45:

Зря Манас не станет грозить,
Хвост чешуйчатый гомозить.

Или:

Давно с Алмамбетом ссоры алкал (стр. 137).
Батырша-девушка Сайкал,
Которую Манас алкал (стр. 140).

«Когда он сам своей смерти алкал» (стр. 140), «Стички с Алмамбетом в залкав» (стр. 161) и др.

Нельзя пройти мимо встречающихся в переводе неудачных или неясных и непонятных для читателя слов и выражений. Слово «топорники» (стр. 36) может быть понято по-разному. Не вполне ясен смысл такой фразы:

Двое слуг на каждой узде,
Как привязанные висят.
Не мешают они езде,—
Ничего им не весить велят (стр. 36).

Для читателя так и останутся загадочными выражения: «с конницей парногройвой шел», «полчищам парногройвым тем» (стр. 58). Между тем речь идет о том, что в коннице богатыря Урбю каждый всадник имел не одну, а две лошади (вторая лошадь — заводная). Совсем непонятно такое двустийше:

Когда я в долине Темирдык
Пир устроил Теишман (стр. 140).

Отметим еще отдельные неувязки и противоречия. На стр. 35 говорится о бубне, которым страж созывает бойцов, а на следующей странице фигурирует уже «рев главного барабана». Из контекста ясно, что речь идет об одном и том же боевом сигнальном инструменте, и не следовало приводить разные и несовпадающие его обозначения в русском языке. В словаре (помещенном в конце книги) термину *топек* дается такое объяснение: бунчук, кисточка из конских волос под острием пики. Полное несоответствие этому правильное объяснение мы находим в тексте:

У гнедой кобылы той
Через шею золотой
Разукрашенный был бунчук (стр. 174).

Необходимо сказать, что и в упомянутом словаре киргизских терминов встречаются неточности. Так, *арашан* не просто горячий источник, а прежде всего целебный источник; термины *джайсан* и *джасаул* не имеют в киргизском языке тех значений, которые им приписывают составители словаря: старшина рода, глава группы родов (?). Неточно объяснены термины *ишан*, *кементай*, *чара* и др. Толкование термина *хур* как «небожитель» вызывает сомнения. В словаре собственное имя Сорондук объяснено: китайский хан, отец Алмамбета. По тексту же Сорондук отец матери Алмамбета — Алтайной. Совсем странное объяснение дано термину *куль-азык*: кушанье из саранчи (?). По киргизско-русскому словарю проф. К. К. Юдахина (стр. 282) — это провизия, годная для дальней дороги, т. е. не скоропортящаяся (например, толокно). *Насыбай* объясняется как жевательный табак, приготовленный из махорки (!?) и золы степного растения. Наконец, в книге встречаются и досадные опечатки. Например, во вступительной статье вместо названий племен Саяк и Буру читаем Саят и Бучу. На стр. 182 вместо Коджоджаш напечатано Коджодаш, на стр. 116 вместо Абдильды — Адбильды.

Отмеченные недостатки не меняют общего положительного впечатления от перевода «Манаса». Нельзя забывать, что авторы перевода имели дело с крайне сложным по композиции и языку, своеобразным по стилю памятником. Это дает полное основание говорить о крупном творческом успехе поэтов С. Липкина, Л. Пеньковского и М. Гарловского. Следует пожелать, чтобы в процессе дальнейшей работы над переводом «Манаса» недостатки, подобные указанным, были по возможности устранены.

Не меньшие, если не большие, чем перед поэтами, трудности стояли перед художниками Г. Петровым и И. Костылевым, задачей которых было найти соответствующие духу и колориту поэмы художественные образы, выраженные в рисунке, орнаментальных украшениях и других изобразительных средствах. Воссоздать образ богатыря Манаса и его соратников, отобразить своеобразие эпохи, бытовую обстановку, в которой разворачиваются эпические события, — задача столь же трудная, сколь и ответственная. В распоряжении художников для решения этой задачи было крайне недостаточное количество достоверных документальных данных. И если они в целом вышли из затруднительного положения, то это нужно приписать умелому и тактичному использованию всех доступных им материалов, их богатому творческому воображению и тонкому художественному вкусу. Очень большое впечатление оставляют многокрасочные иллюстрации и среди них эффектная картина Манаса, восседающего на троне, покоящегося на тиграх и драконе (стр. 64—65), картины ссоры богатырей Алмамбета и Чубака (стр. 152—153), рождения Алмамбета (стр. 176—177) и др. Отметим лишь отдельные недостатки в иллюстрациях, которых можно было бы избежать и которые несколько снижают в некоторых случаях их художественный уровень. Таковы излишняя насыщенность орнаментальностью (стр. 32—33, 43, 73, 112—113) — узорами заполнены и головные уборы, и штаны, и подстилки; некоторое увлечение среднеазиатскими мотивами (стр. 31, 48, 89): в заставках рисунки типичного андижанского седла, кумчана и др.; отдельные неточности в деталях (в иллюстрации, изображающей пир, на переднем плане дан старик, кушающий в одиночку, что

очень неправдоподобно; мало вероятны даже для эпоса головы врагов, водруженные на шестах,— стр. 115; вызывает сомнение тип панциря с двумя дисками на груди — стр. 64—65 и др.). 19-летняя Каныкней изображена на рисунке (стр. 224—225) в женском головном уборе — «элечек», в то время как на рисунках, изображающих ее в более зрелом возрасте, на ней надет головной убор, имеющий в основном значение свадебного, при этом имеющий форму более близкую к казахской «саукеле».

В общем, выход в свет рецензируемой книги можно только приветствовать, а всех инициаторов и участников подготовки книги можно поблагодарить за ценный вклад в художественную культуру народов СССР, вклад, которым вправе гордиться создатель эпоса «Манас» — киргизский народ.

С. Абрамзон

«Таджикские сказки», составитель Б. Ниязмухамедов, под общей редакцией академика Е. Н. Павловского, Таджикский филиал Академии Наук СССР, Институт языка и литературы, Сталинабад, 1945.

Выпущенный Институтом языка и литературы Таджикского филиала Академии Наук СССР сборник таджикских сказок является событием в культурной жизни этой республики уже по одному тому, что это первый печатный сборник народных таджикских сказок на русском языке. Отдельные сказки, эпизодически появлявшиеся в периодических изданиях, до- и пореволюционных, не давали, конечно, цельного представления о характере и судьбах национальной сказки. Настоящий сборник включает 35 сказок, из которых 14 были уже в разное время опубликованы, остальные записаны в период с 1939 по 1943 г. Б. Ниязмухамедовым и другими научными сотрудниками Института, кроме двух, записанных И. Митропольским в 1915 г. в районе Чинганских гор. «Если таджикские сказки подобны океану, — пишет в предисловии составитель сборника Б. Ниязмухамедов, — то предлагаемый читателю сборник является лишь каплей его». В этой «капле» составитель постарался показать все разновидности бытующей в настоящее время таджикской сказки: сказку фантастическую, бытовую народный анекдот, историческое предание и современную сказку с новой советской тематикой.

Большее половины сборника составляют волшебные сказки, сюжеты и стиль которых вполне соответствуют тому каноническому представлению, которое мы имели о сказках Востока еще со времени первого появления в русской печати сказок Шехерезады. Это те сказки, о которых А. М. Горький в предисловии к сказкам «Тысяча и одной ночи» писал: «Эти сказки с изумительным совершенством выражают стремление трудового народа отделиться чарованию сладких вымыслов, свободной игре словом, выражают буйную силу цветистой фантазии народов Востока»... В таджикской волшебной сказке мы встретим сюжеты и образы, хорошо известные мировому сказочному фольклору: поиски похищенной возлюбленной, в которых герою помогают чудесный конь и благодарные животные, рассказы о змеборцах, хорошо известные русской сказке сюжеты волшебного кольца, невинно оклеветанной жены (сюжет царя Салтана) и др. Действующие лица волшебных сказок — злые дивы, побеждаемые хитростью и силой героя, добрые и прекрасные пери, чудесная птица, помогающая герою разбогатеть, странствующие деревья, жестокие и глупые падишахи, хитроумный крестьянский сын — многие из них родственны действующим лицам европейской сказки. Однако от европейской сказки таджикскую отличает ее своеобразный стиль, ее цветистый язык. Чрезмерная склонность к поэтической гиперболе («Голова у нее была с юрту, а руки, как толстые бревна, пальцы с оглобли, ладонь больше, чем у арбы колесо»), традиционная формула в описании красоты героя или героини («Он был так красив, что правая сторона его лица казалась солнцем, а левая луной»), излюбленное традиционное число — сорок (например, девушку обвиняют в пребывании в обществе сорока любовников), особая украшенность любовно-лирических сцен, где в диалогах проза заменяется байтами (стихами), — все это чрезвычайно типично для восточной сказки вообще, в частности — для таджикской, как одной из ее разновидностей. Сатирические бытовые сказки и анекдоты настоящего сборника дают прекрасные образцы народного восточного юмора, напоминая известные всему миру анекдоты о Ходже Насрэддине или каравеллы Азербайджана. Сатирическое острие большей части этих сказок направлено на жадных, продажных судей («Алчный кадий», «Балхский судья» — прекрасный вариант «Шемякина суда»), на глупую спесь эмирского чиновника, доводящую его до нелепой смерти («Смерть надутого Мирахура»), на бессмысленную жестокость падишаха («Бедняк и хитрый вор»). В сборник включено и несколько исторических анекдотов и преданий: об Александре Македонском («Искандер Зулькарнайн»), предания о борьбе таджиков с арабами («Буджикентцы и арабы»), о борьбе с Чингизханом («Город Мунча»).

Особое место среди сборника занимают сказки с советской тематикой. Один из характерных фактов в развитии современной сказки — появление аллегорической сказки, повествующей в образах и мотивах традиционной сказки о событиях и людях живой советской действительности, — нашел свое место и в жизни таджикской сказки. В настоящем сборнике таковы аллегорические сказки: «Ленин и Кучук-одам», опубликованная на русском языке в 1938 г. в книге «Ленин и Сталин в творчестве народов